

А противник, похоже, вовсе не обращал на это внимания. Его ухоженные белые пальцы скользнули от груди Су Хуна прямо к его подбородку, приподняли лицо юноши, и он тихо рассмеялся:

— Мы с праведным боевым искусством Чжунъюаня издавна стоим друг друга, как вода и огонь, но молодой герой Су уже столько раз попадался мне под руку. Право слово, это вызывает немалое недоумение.

— Да... не так уж много раз, — с натянутой улыбкой попытался сохранить лицо Су Хун.

Улыбка Хэ Синхуана стала еще глубже. Он поднял руку и щелкнул пальцами, и кто-то за ширмой неподалеку неторопливо зачитал:

— Двенадцатого июня этого года молодой господин Су устроил грандиозный скандал в доме Цзюньхун в городе Чунъань и допрашивал правую защитницу нашего культа Ду Ланьсинь о местонахождении главы.

— Пятнадцатого июля этого года молодой господин Су сорвал праздник на Мосту Птичьих Бессмертных в Цинчжоу и допрашивал старейшину нашего культа Кэ Юньчоу о местонахождении главы.

— Двадцать восьмого июля этого года молодой господин Су поймал внедренного шпиона нашего культа в павильоне Ваньцюз на горе Юнья-шань и допрашивал его о местонахождении главы.

— Девятого августа этого года молодой господин Су в...

Су Хун поспешно прервал чтеца:

— Ладно-ладно, хватит!

Если послушать дальше, он и сам решит, что он какой-то маньяк!

До чего же стыдно! Оказывается, он преследовал его с таким безумным фанатизмом!

Будь он на месте Хэ Синхуана, непременно отрезал бы этому наглецу всё ценное!

— Молодой герой Су уже не может слушать? — безмерно грациозно приподнявшись, с улыбкой произнес Хэ Синхуан. Из-за его запахнутых набок одежд открывался соблазнительный вид. — С июня и по сей день, октябрь, молодой герой Су навел справки обо мне по всему миру, и число это не меньше сотни раз, но вы не выносите, когда об этом говорят другие?

Су Хун мысленно завопил от отчаяния и со вздохом подумал: «Неправа ваша правда, глава Хэ. Тот, кто совершил дурной поступок, и сам трепещет от страха, а когда тебе вот так выкладывают всё грех за грехом, разве можно сохранять невозмутимость?»

— О? — Хэ Синхуан приподнял брови и, переполненный живым интересом, подался вперед. — И какой же дурной поступок вы совершили?

Су Хун бросил на него жалобный взгляд.

Его ясные, чистые глаза были полны стыда и гнева. Из-за того, что юноша был привязан совершенно голым, его кожа слегка покраснела, и при беглом взгляде он казался даже более прелестным и утонченным, чем многие девушки.

Поняв, что его мысли приняли странный оборот, Хэ Синхуан помрачнел взглядом и принялся невозмутимо разглядывать собеседника.

Помолчав какое-то время, Су Хун тихо произнес:

— Поступил вопреки морали и устоям.

Хэ Синхуан мгновенно умолк. Он слегка прищурился, и в просторном зале, где только что дул ласковый ветерок и светило яркое солнце, температура почему-то резко упала.

Су Хун неожиданно для самого себя чихнул, и по всему его телу побежали мурашки.

— Я давно слышал, что белый господин Су не стеснен условностями и отличается поразительной сообразительностью, но сегодня вижу воочию: у вас поистине извилистый ум и слишком много замыслов.

Хэ Синхуан холодно усмехнулся:

— Знаете ли вы, сколько красавиц ежедневно преподносят в дар нашему Культуре Поклонения Звездам и сколько среди них тех, кто преследует ту же цель, что и вы?

Су Хун ошеломленно моргнул... Что происходит? Почему он вдруг заговорил в таком тоне? И какую это такую цель он преследует?!

— Разве вы не хотите привлечь мое внимание, вызвать мою нежность и жалость, а в конце концов исподтишка убить меня? — зловеще усмехнулся Хэ Синхуан и протянул руку, ущипнув Су Хуна за щеку.

— Ай-яй-яй-яй, больно, больно, больно!

Су Хун был потрясен до глубины души: почему характер сегодняшней цели для захвата оказался настолько взрывным?!

— А знаете ли вы, что стало с теми красавицами, которых преподносили мне раньше? — Хэ Синхуан наклонился совсем близко к Су Хуну, и в его глазах играла насмешливая, чарующая издевка.

Су Хун поспешно замотал головой — откуда ему знать?! Сейчас он лишь чувствовал, что выбрал в корне неверную стратегию, а лицо ужасно болело.

Хэ Синхуан легким движением лизнул Су Хуна в щеку, отчего того прошибло мелкой дрожью, и с жестокой и ослепительной улыбкой произнес:

— Я бросил их в чашу с ядовитыми насекомыми в нашем культе. Раз уж они на каждом углу твердили, что любят меня, пусть их тела послужат кормом для самых ядовитых гу моих питомцев.

Су Хун: «.....»

Его переполняли самые сложные чувства.

Как же здесь страшно, мама, я хочу вернуться в империю!

В мире боевых искусств ходило легендарное оружие по имени Цзинхун. Ходили слухи, что этот меч рубит железо, словно грязь, а холодное сияние еще не успеет долететь до цели, как враг уже повержен. А имя этому клинку дал молодой герой, о котором слагали восторженные легенды, — Су Хун в белых одеждах.

Су Хун в белых одеждах полностью оправдывал свое прозвище: в каких бы обстоятельствах он ни оказывался, на нем всегда были развевающиеся белые одежды, а лицо его напоминало нефрит.

Су Хун в белых одеждах был безудержен и свободолюбив, он часто проходил сквозь тысячи цветов, не позволяя ни одному лепестку пристать к его одежде.

Су Хун в белых одеждах обладал непревзойденными боевыми навыками, и историй о том, как он среди тысяч воинов добывал голову вражеского полководца, было не счесть!

А в этот самый момент Су Хун в белых одеждах был заточен в самом глубоко подземелье Культа Поклонения Звездам. С него сорвали белые одежды, оставив лишь нижние штаны, его

руки и ноги были опутаны тяжелыми цепями, а меч Цзинхун отобрали.

Если бы не Хэ Синхуан, который счел это лишними хлопотами и остановил Кэ Юньчоу, этот старейшина культа демонов, которого Су Хун когда-то публично поверг ниц, с радостью проткнул бы ему лопатки железными крючьями!

— Небеса никого не прощают!

Уходя в тот день, поседевший Кэ Юньчоу свирепо ткнул пальцем в небо.

Су Хун был до предела ошеломлен... Кто из нас двоих здесь вообще секта демонов?!

Шло ли время, миновало ли сколько-нибудь дней за пределами темницы, но в один прекрасный момент с другого конца коридора донесся громкий топот множества шагов.

Су Хун прищурился и увидел, что впереди всех шел облаченный в черные как ночь одежды Хэ Синхуан. Половина его черных волос была распущена, а прическа закреплена роскошной золотой заколкой-веером. От всего его облика исходило ни с чем несравнимое безудержное бунтарство.

— Почему всего за три дня он ослаб настолько? Вы что, пытали его?

Хэ Синхуан бросил косой взгляд на стражников в подземелье, и те в испуге рухнули на колени, всем телом дрожа как осиновый лист и уверяя, что и пальцем не трогали Су Хуна.

Су Хун мысленно поразился: этот глава культа и впрямь невероятно жесток, раз даже собственные подчиненные так панически боятся его. Неудивительно, что простой народ вечно пугает детей байками о том, как Хэ Синхуан ест непослушных малышей.

— Ладно-ладно, хватит бить поклоны, как следует скрутите его и доставьте во Дворец Юйхэн.

Хэ Синхуан мельком глянул на Су Хуна, словно что-то вспомнив, и с несколько странным выражением лица произнес:

— Перед тем как вести, дайте ему унцию порошка Мягких Жил.

— Унцию?!

Су Хун лишился дар речи:

— Обычному человеку и доли цзя хватит! Вы что, за быка меня принимаете?!

Раскосые глаза Хэ Синхуана сузились:

— Раз молодой герой Су полон сил даже после трех дней в заточении, значит, унция его не возьмет. Добавьте еще унцию.

Су Хун: «.....»

За какие грехи мне выпало такое наказание!

Слуги тут же со страхом и трепетом принялись вливать в Су Хуна лекарство. Увидев дозировку, Су Хун едва не оцепенел от ужаса — несмотря на то, что он был скован четырьмя цепями, ему все равно захотелось сражаться за свою жизнь!

Заметив, что подчиненные никак не могут влить зелье, Хэ Синхуан, уже собравшийся было уходить, развернулся обратно. С бесстрастным лицом он глянул на прикованного в клетке Су Хуна, шагнул внутрь и одним ударом отбросил слугу в сторону.

Су Хун содрогся, собственными глазами увидев, как человек, только что поивший его лекарством, отлетел прямо в стену, выплюнул пару сгустков крови и затих.

Ты что, сущий демон?!

И тогда... когда Хэ Синхуан приблизился, протягивая пиалу с лекарственным отваром, Су Хун сглотнул слюну и, униженно глотая слезы, добровольно выпил всё до дна.

Что поделать, приходится прогигаться под изменчивый мир!

Хэ Синхуан остался крайне доволен и даже протянул руку, чтобы ущипнуть Су Хуна за подбородок:

— Вот так бы сразу.

Су Хун: «.....»

На душе было так тяжело, что не хотелось даже говорить.

Когда лекарство начало действовать, Су Хун почувствовал, как конечности постепенно наливаются свинцовой слабостью. Видимо, из-за чрезмерной дозы порошка Мягких Жил он вскоре вовсе перестал ощущать свои руки и ноги, и лишь благодаря глубоким внутренним навыкам еще не провалился в беспамятство.

Он воочию наблюдал, как его выносят из темницы, а слепящий солнечный свет заставил глаза наполниться слезами.

— Бедный молодой герой Су, глава довел его до слез своими издевательствами.

— Тсс, тише ты, жить надоело?!

— А, ну тогда... давайте нести его чуточку аккуратнее!

Су Хун: «.....»

Он уже было собрался пустить слезу, растроганный тем, что в мире еще живы искренние чувства, как выяснилось, что все они думают совсем не о том!

Пока Су Хун, полностью лишенный чувствительности в теле, подвергался мытью и облачению, в самом разгаре пира во Дворце Юйхэн гремела музыка, танцевали девушки, а гости обменивались чарками.

Дворец Юйхэн был одним из филиалов Культа Поклонения Звездам, расположенным на стыке границ Наньцзяна и Западных Земель. Он примыкал спиной к бездонной пропасти, а в толще горы была высечена грандиозная, изысканная и величественная обитель.

Облаченные в откровенные наряды танцовщицы грациозно кружились в центре зала.

— И с чего это сегодня солнце решило зайти на востоке? Оказывается, кое-кто привел сюда своего возлюбленного, чтобы похвастаться передо мной, — восседая на хозяйском месте и взмахивая широкими рукавами, произнес Хэ Синхуан и поднял стеклянный бокал с безмятежной улыбкой.

На гостевых местах по левую руку от него сидели двое юношей. Один из них, державший в руках веер, громко и удовлетворенно рассмеялся, услышав эти слова, в то время как второй с презрительным видом холодно фыркнул.

Хэ Синхуан приподнял брови:

— Маленький маркиз, судя по всему, ваш возлюбленный ко мне настроен крайне недоброжелательно.

Юноша, к которому обратились как к «маленькому маркизу», приходился родным племянником правящему императору — это был Ли Юйчэнь, милостиво пожалованный титулом Маркиза Юйчэнь.

Хотя он обладал высоким официальным положением, Ли Юйчэнь всегда предпочитал вести жизнь вольной птицы, парящей в облаках, благодаря чему завел множество знакомств в мире цзянху и пользовался известностью.

Ли Юйчэнь с беспомощным вздохом покачал головой:

— Не извольте гневаться, глава культа. Юньцзэ от природы замкнут и просто не любит подобные сборища.

— О?

Хэ Синхуан с полуулыбкой приподнялся и с любопытством перевел взгляд на Мо Юньцзэ.

— Позвольте спросить юного героя: вам претит сам наш глава, или же вам не по душе подобные собрания, или... вам не нравится бывать в местах, где кое-кого нет рядом?

Зрачки Мо Юньцзэ резко сузились, и он процедил сквозь зубы:

— Так А-Хун и вправду у тебя!

— А-Хун?

Хэ Синхуан изогнул брови и посмотрел на Ли Юйчэня:

— Маленький маркиз, ваш возлюбленный называет чужого человека по имени, неужели вы не ревнуете?

Стоит отметить, что в свое время ради завоевания этого юного господина Мо маленький маркиз поднял такую бурю во всем боевом мире, что об этом судачили на каждом углу. Почти каждый знал о его глубоких чувствах, и даже родной дядя-император ничего не смог с этим поделать, в конце концов разрешив им быть вместе.

Услышав это, Ли Юйчэнь нахмурился, но в конце концов легко покачал головой:

— Юньцзэ и молодой герой Су — всего лишь близкие друзья, так что главе Хэ не стоит пытаться рассорить нас подобными речами.

Хэ Синхуан вздохнул, его брови чуть опустились, а украшавшая волосы золотая заколка с подвесками слегка качнулась, мгновенно являя невыразимую утонченную прелесть.

— Маленький маркиз, много ли в этом мире искренних друзей? Те, кто клянется, что будет

вашим закадычным другом до конца дней и разделит с вами все невзгоды, в конце концов вонзят вам нож в спину!

Лицо Мо Юньцзэ то бледнело, то краснело — очевидно, столь циничные речи привели его в ярость.

В глазах Хэ Синхуана мелькнуло множество искрящихся улыбок, и он продолжил:

— То же самое касается и возлюбленных. Все они — чужие для вас люди, как могут они полюбить вас так же сильно, как самих себя? Они клянутся в вечной любви до конца времен, но если только вы не переломаете ему ноги и не запрете подле себя на всю жизнь, иначе...

Он слегка замолчал и многозначительно посмотрел на Мо Юньцзэ:

— Стоит вашей силе хоть немного ослабнуть, как он тут же бросит вас. А перед уходом, пожалуй, поступит точь-в-точь как те «друзья» и вонзит вам в спину нож по самую рукоять.

Разъяренный Мо Юньцзэ со всего маху хлопнул ладонью по столу и взревел:

— Что за бред несет эта демоническая тварь!

В тот же миг во Дворце Юйхэн воцарилась мертвая тишина. Танцовщицы и певицы в ужасе уставились на прекрасного мужчину на главном месте, а слуги едва заметно дрожали в самых дальних углах.

Этот человек совсем жить надоел?!

Как он смеет нести такую чушь прямо в лицо главе культа!

Если жить не хочется, зачем же тащить за собой остальных?!

А Хэ Синхуан лишь безмятежно восседал на своем месте. И хотя уголки его губ по-прежнему трогала чарующая улыбка, в темных зрачках застыла ледяная пелена и жажда убийства.

Ли Юйчэнь инстинктивно накрыл руку Мо Юньцзэ, а второй крепко сжал свой складной веер.

И ровно в этот момент снаружи раздался голос привратника:

— Прибыл молодой герой Су!

— Прибыл молодой герой Су!

Этот возглас привлек внимание Мо Юньцзэ, уже готового перевернуть стол и броситься в бой. Он торопливо вскинул голову к дверям залы и увидел восьмерых носильщиков, несущих паланкин, укрытый легкими полупрозрачными занавесями, сквозь которые смутно угадывался чей-то силуэт в белых одеждах.

Заметив его движение, Хэ Синхуан улыбнулся еще глубже.

— Доставьте Хунъэра ко мне.

Его легкомысленный голос прозвучал двусмысленно, когда он многозначительно поманил пальцем.

Мо Юньцзэ пришел в ярость, но Ли Юйчэнь успел вовремя удержать его, хотя тот продолжал бушевать:

— Хэ Синхуан! Да как ты смеешь так унижать Су Хуна!

— О? — Хэ Синхуан неожиданно рассмеялся, продемонстрировав ослепительное и дерзкое высокомерие. — Он преодолел тысячи ли и столько рек ради меня, а я всего лишь дал ему возможность предложить себя мне — разве это можно назвать унижением?

Лежавший в паланкине Су Хун мысленно завопил от отчаяния: «Ой-ёй-ёй, мамочка!»

Лицо было окончательно и бесповоротно потеряно из-за этого заносчивого психопата!

Из-за принятой конской дозы порошка Мягких Жил он чувствовал себя абсолютно обессиленным и не мог произнести ни звука. Ему оставалось лишь сквозь прорезь в кисейных занавесах смотреть на то, как взгляд его давнего товарища наполняется неверием и шоком.

Паланкин медленно двигался вперед. Когда носилки опустились рядом с главным местом, слуга откинул занавесь, и Хэ Синхуан бросил на лежащего внутри легкий взгляд, на мгновение застыв в оцепенении.

Поддерживаемый мягкими подушками верх туловища Су Хуна бессильно распластался на носилках. Белые одежды сияли белизной чистого снега, на них не было ни пылинки, а кожа оказалась нежнее и белее снежных сугробов. Видимо, от недавних слов Хэ Синхуана на щеках Су Хуна до сих пор горел стыдливый румянец. И хотя он находился в полном подчинении и беззащите, в его глазах все так же читалось упорство и строптивость.

Хэ Синхуан смутно почувствовал, как по телу разливается жар!

Как же это волнующе... до чего же сильно хотелось безжалостно растоптать эту гордость!

Су Хун цепенел от ужаса — почему у этого психопата становятся все более странными глаза? В следующий же мигновение он увидел, как Хэ Синхуан наклонился, забираясь под балдахин паланкина, протянул руки и подхватил его, совершенно не владеющего телом, на руки.

Э-э... свадебный перенос невесты на руках...

По телу побежали мурашки, когда Хэ Синхуан прижал его к груди и, словно хвастаясь, ласково погладил по макушке.

Хэ Синхуан с усмешкой произнес:

— Хунъэр, скажи этому молодому герою, считаешь ли ты унижением то, что находишься в моих объятиях?

Хунъэр...?!

Десятки пар глаз внизу в один миг уставились на Су Хуна.

Недоумение на лице Ли Юйчэня, неверие Мо Юньцзэ, смесь зависти, ревности и ненависти во взглядах танцовщиц...

Су Хун думал лишь об одном: «Его унизили, просто ужасно как унизили!»

Но он не мог произнести ни слова, Хэ Синхуан, проклятый ты маньяк!

Ощущая сопротивление юноши в своих объятиях, Хэ Синхуан тихо рассмеялся и просунул руку прямо под одежды Су Хуна, слегка сжав его за талию:

— Если не будешь покладистым, бойся, я прямо здесь...

Прямо здесь...?

Прямо здесь...?!

Глава, до чего же у вас извращенные вкусы! Мысленно переполненный самыми противоречивыми чувствами, Су Хун с глубоким унижением замотал головой, давая понять: «Никакого унижения я не чувствую, на моем лице сияет чистейшая радость».

Увидев, как Су Хун качает головой, Мо Юньцзэ вскипел с новой силой:

— Хэ Синхуан! Я не знаю, какую отраву ты подсыпал Су Хуну, но знай: весь мир боевых искусств знает, что Су Хун — приемный сын главы альянса боевых искусств Цюй Шана! Если ты продолжишь так с ним обращаться, рано или поздно тебя постигнет возмездие!

В юные годы Су Хун спас ему жизнь, и с тех пор Мо Юньцзэ относился к нему совсем иначе, чем ко всем остальным. Сейчас же, видя, как тот оказался в полной зависимости от чужой воли, он проникся чужой болью и кипел от праведного гнева.

— Возмездие?

Хэ Синхуан вскинул взгляд и с бесконечной грацией холодно рассмеялся:

— С тех пор как я, Хэ Синхуан, встал во главе Культа Поклонения Звездам, я рубил богов, стоявших на пути, и уничтожал демонов, когда те преграждали мне дорогу. С чего бы мне бояться какого-то возмездия?

Хэ Синхуану едва перевалило за двадцать, а из-за высокого уровня мастерства он выглядел невероятно свежим и прекрасным.

При этом его жестокие методы как до восхождения на пост, так и после него были известны всему свету. Услышав это, ярость Мо Юньцзэ слегка утихла, и он хотел было сказать что-то еще, но хранивший молчание Ли Юйчэнь вовремя придержал его за плечо.

— Ты!

Мо Юньцзэ не был трусом, боящимся смерти, и сейчас мрачно зыркнул на Ли Юйчэня.

Тот лишь покачал головой, призывая его к спокойствию.

Су Хун изо всех сил попытался наострить уши, но в этот момент все вокруг замолчали, и он мгновенно лишился единственного развлечения!

— Впрочем, я только что слышал, будто праведный мир боевых искусств Чжунъюаня уже давно питает ко мне глубокую ненависть и сейчас собирает людей, чтобы пойти на нас войной?

Хэ Синхуан одной рукой налил вина и плавно поднес чарку к губам Су Хуна, осведомившись с легкой улыбкой.

Су Хун замер и растерянно захлопал глазами: «О? Seriously? А я и не в курсе!»

— Ха-ха, похоже, Хуньэр не в курсе этого дела, — с фальшивой улыбкой скривил губы Хэ Синхуан и тут же «заботливо» влил всё вино в рот Су Хуна.

Су Хун мысленно с мучительным стоном закатил глаза: «Глава, убейте меня лучше сразу, неужели у меня совсем не осталось гордости?»

Вино потекло по его неподвижным губам, пачкая воротник и превращая ткань на груди в полупрозрачное полотно.

Взгляд Хэ Синхуана потемнел. Закусив губу, он произнес:

— Забыл, что сегодня Хуньэр хворает и не может есть самостоятельно.

У Су Хуна тотчас возникло дурное предчувствие.

В следующее мгновение это ослепительно прекрасное, властное и сводящее с ума лицо резко приблизилось к нему. Губы, пахнувшие крепким вином, плотно прижались к его рту.

Эти губы... оказались слегка прохладными и неожиданно мягкими.

Обжигающее вино переключалось из рта Хэ Синхуана прямо в рот Су Хуна, не пролив ни единой капли.

Пораженный словно молнией, Су Хун широко распахнул глаза и ошеломленно уставился на Хэ Синхуана.

Вино жгло горло, а сам он горел изнутри.

Все лицо помимо его воли залилось краской.

Хэ Синхуан пристально вглядывался в Су Хуна, а спустя мгновение выдохнул с легким вздохом:

— Как же красиво ты выглядишь, когда смущаешься, Хуньэр. Если ты и дальше будешь так смотреть на меня, я, пожалуй, не смогу заставить себя убить тебя.

Су Хун испугался — всякие романтические фантазии мгновенно разлетелись в прах!

Ты меня и лапал, и целовался со мной, и всё равно планируешь прикончить меня?!

Мо Юньцзэ с товарищем от начала и до конца наблюдали за этим представлением, их лица то

бледнели, то краснели, а слова застряли в горле от полнейшего шока.

И впрямь... поговаривали, что Хэ Синхуан безумец, и на то были причины. Секунду назад они почти поверили, что он действительно равнодушен к Су Хуну, а в следующую — он снова собрался его убить!

С таким непостоянством — как тут не сойти с ума?

Ли Юйчэнь на мгновение задумался и постарался придать голосу максимально мягкий тон:

— Глава Хэ, то, что Юньцзэ вспылил, было ошибкой — я приношу за него извинения. Завтра же Поместье маркиза Юй отправит людей доставить главе тысячелетний снежный лотос в качестве дара, но... раз уж глава не пылает глубокими чувствами к молодому герою Су, не могли бы вы позволить нам забрать его с собой?

Услышав, что Ли Юйчэнь заступается за него, Мо Юньцзэ почувствовал благодарность и с надеждой устремил взгляд на Хэ Синхуана.

Хэ Синхуан лишь слегка приподнял брови и, немного подумав, усмехнулся:

— Маленький маркиз, вы говорите так, будто мы чужие...

Услышав это, Мо Юньцзэ чуть расслабил напряженную грудь, но следующие слова Хэ Синхуана прозвучали с ледяной усмешкой:

— Мало того, что вы заритесь на человека из моих объятий, так еще и дерзаете принимать мой Култ Поклонения Звездам за какую-то нищенскую шайку, рассчитывая откупиться одним жалким снежным лотосом? Неужели вы не знаете, что в каждой чаше вина, которую вы только что осушили, находилось выращенное на человеческой крови гу?!

При этих словах у Су Хуна дыбом встали все волосы на теле!

Неужели в той чаше вина, которую он только что выпил, тоже была эта дрянь?!

— Дерзко!

<http://bllate.org/book/21632/2232112>